

18+

КНИГА СТИХОВ

И КОГДА

ТЫ МЕНЯ ПОНЕСЁШЬ

НА КРАЙ ЗЕМЛИ

Алеся Шаповалова

Алеся Шаповалова
И когда ты меня понесёшь
на край земли. Лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73163398

ISBN 9785006895027

Аннотация

Второй сборник автора, в который вошли как избранные ранние произведения, так и лирика последних лет: путь от юношеской дерзости и максимализма к зрелому осмыслению времени, веры и предназначения. Ты любишь, ищешь любовь или трепетно бережешь память об ушедшей любви? Значит эта книга про тебя и для тебя.

Содержание

«Вы любили маленьких блондинок...»	8
«Я знаю, что память тленна...»	9
«Я Вас сведу с ума и отпущу ...»	11
«В каждую руку – по пряничку...»	12
«И, появившись, сразу исчезает...»	13
«Имя, созвучное моему...»	14
«Ни венца, ни кольца, лишь простыни...»	15
«Травинкой, в губах зажатой...»	16
«Как были ангелы пьяны...»	18
«Если в твоих краях...»	20
«Взгляд – шок электрический...»	21
«Тебе нажелают других за меня – целых пять!...»	23
«Здесь – колокольчик маленький в ладони...»	24
«Родятся девочки другие...»	25
Тринадцатая глава	26
«Мне так спалось, когда...»	27
Поэтическая переключка	29
«А помнишь ли над Минском колокола и снег?...»	31
«По Приморскому бульвару...»	32
«Так не играют! Через столик...»	33
«Тайное явным не будет...»	34
«Тихое души к душе стремленье...»	35

«Белым-бела невестушка...»	36
Маме	37
«Не развенчан – не распят...»	38
«Двойники расплодились без меры...»	39
«Вдыхаю солнечные ливни...»	40
«Косы заплетать...»	41
«Небо мокрый подол натянуло на крыши...»	43
Рыбалка	44
«Не говори обо мне с другими...»	45
«А ты купался в Ориноко?..»	47
«С красных крыш Сигишоары...»	49
«Вечерний снег к моей душе...»	51
«Всё в памяти моей второстепенно...»	52
«Целовала море в губы влажные...»	53
«Она надевает мои тапочки...»	54
«Ждать, уговаривать: будет лучше...»	55
«Ситцем небо выцвело...»	56
«Муза стирала поэту носки...»	58
«Когда меня не будет на Земле...»	59
«К снегу свою приучаю кожу...»	60
«Брось меня, надломленную ветку...»	61
«Память – пески Сахары зыбкие...»	62
«Когда был день высок, как нынче...»	64
«Мой тихий нежный гуру, я жива...»	65
«Я хочу целовать твои руки, большие, сильные...»	66

«Солнце заходит на круг, ему странно...»	67
«Губы красным очерчены...»	68
«Когда Вы в городе, то спать как?...»	69
«Он спал. А музыка царила...»	70
«Там, где в небе цветут витражи...»	72
«А счастье? Счастье – это просто...»	73
Кофе	74
«Выхожу на улицу в пять...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**И когда ты меня
понесёшь на край земли
Лирика**

Алеся Шаповалова

© Алеся Шаповалова, 2026

ISBN 978-5-0068-9502-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Вы любили маленьких блондинок...»

Вы любили маленьких блондинок.
Я была смугла и высока.
Стать одной из Ваших половинок
Мне б не удалось наверняка!

И лукавить, видимо, не стоит,
На шелках нам рядом не лежать.
Пусть другие руки успокоят
У виска взволнованную прядь.

Сколько светловласых и послушных
Будут на коленях Ваших петь!
Отойдите! Слышите, не нужно
Так легко в глаза мои смотреть!

«Я знаю, что память тленна...»

Я знаю, что память тленна,
А значит с утра опять
Основу для гобелена
На раму натяги-вать.

Старательно к нитке – нитку,
И вслух: неужели был? —
Вплетаю твою улыбку
И тёмных висков акрил,

И тонкую парусину
Прозрачную на плечах —
Невысказанный, любимый —
До ниточки, в мелочах!

До тонкости жеста, взгляда
Горячего – жар пустынь!
И локоны водопадом,
И губы пьянее вин...

По шёлковой глади слова —
Теперь уж наверняка! —
Вплетаюсь в тебя – основу,
Как тонкая нить утка.

2000

«Я Вас сведу с ума и отпущу ...»

Я Вас сведу с ума и отпущу —
С ума сведённых у церкви жалеют!
И нежность, словно деньги, просвищу
Стозвонно, так, что губы немеют.

Идите же, другим мои стихи
Раздаривать, отмеривать аршином,
Кроя на незаконченность строки,
Как ткань на лоскуты – по чьим-то спинам!

Идите же, пока ещё снега
Не выстлали пути, пока прилежно
Сжимает карандаш моя рука,
И возвращенье Ваше неизбежно!

2001

«В каждую руку – по пряничку...»

В каждую руку – по пряничку
Сладкому, и – целовать
Сладко, как только мамочка
На ночь, чтоб крепче спать.

Помнишь, твердила: солнышко,
Строятся корабли,
Будет любовь – до доньшка,
Самого дна земли!

И паруса раскрыены
Алые, глянешь – жгут!
Вина почти настояны
В бочках дубовых ждут

Сладкие. Скоро, Оленька,
Только глаза зажмурь!
Таёт в ладонях тоненьких
Пряничная глазурь.

2001

«И, появившись, сразу исчезает...»

И, появившись, сразу исчезает
Во снах твоих предчувствие меня.
На зыбкой грани пробужденья тает,
То, отпуская, то опять маня.
Тончайшее скольжение полутени
На матовой стене поперех картин:
То плечи вдруг почувдятся, колени,
То взгляд один.
То голос только – песнопенно светел! —
Таким в церквях молитвой – в купола,
Таким читают малолетним детям,
Собрав их возле круглого стола.
Играю? Нет! Все игры позабыты.
Я всё решила, так тому и быть:
Я скоро в дом твой постучу открыто,
И ты меня не сможешь не любить!

2001

«Имя, созвучное моему...»

Имя, созвучное моему
Имени.
Снова весна, снова я обяжусь
Ливнями.
Выйду к тебе (на какую гору?
Выше бы!)
И зацветёт, задохнётся гора
Вишнями.
Только скажи, кем ты придёшь?
Птицею?
Женщиной? Песней, что сорок ночей
Снится мне?
Иль первоцветом тончайшим, на час
Видным лишь?
Или тебя не узнаю, а ты
Промолчишь?
И на горе, задохнувшись весной,
Рядом бы
Просто стоять, подгоняя рассвет
Взглядами.

2001

«Ни венца, ни кольца, лишь простыни...»

Ни венца, ни кольца, лишь простыни.

Да и те не белы.

Не фата, а платочек простенький

С головы.

На окне кружева подтаяли.

Аль рассвет?

В феврале с нелюбимым маяться —

Дольше нет.

Как песок из руки, так молодость

От лица.

Заморщились пальцы тонкие

Без кольца.

Так и вышло вот, не заметила,

Что пора.

Приготовила всё, что надобно,

Собрала.

И, крестившись, ложилась медленно

На кровать.

– Отчего же так страшно, Господи,

Умирать?

«Травинкой, в губах зажатой...»

Травинкой, в губах зажатой,
Вся зелень – в один укус,
Царапала небо ватное
И пробовала на вкус.
Сладчайшее! Вместе питое
И пролитое в лета.
То небо, где гнёзда свиты все,
И врозь наши два гнезда.
Всего-то нам дан воскресный был
Ворованным раем – час.
О, сколько сложилось песен бы,
Коль было б гнездо у нас!
Красивая и безумная,
К стволам припадая лбом,
Просила: давайте, любый мой,
Сейчас, наконец, умрём!
А Вы молчали. Казалось Вам,
Что время пустилось вспять,
И мне восемнадцать с малостью,
И Вам только двадцать пять.
И всё ещё будет, сложится.
Не надо, не прячьте взгляд!
Зачем Вы меня, хороший мой,
Забыли семь лет назад?

2001

«Как были ангелы пьяны...»

Как были ангелы пьяны
И пели хором: «Аллилуйя!»
Два шага – или поцелуя? —
Нам оставалось до весны.
Как были ангелы пьяны,
Хоть невесома angels`s share*,
Ты улыбался и, бледнея,
Меня касался, как струны!
Дубовых бочек ровный строй
Терялся в полутёмном зале,
Мы руки тонкие сжимали
И выбегали к свету: «Мой!» —
Шептала, ласточкой кружась,
Сцеловывая с губ улыбку,
Земля уже казалась зыбкой,
И мы над ней сходились. Вязь
Движений – в коих мы равны! —
Сплетала нас и обжигала,
Коньяк виновен был сначала,
Потом виновны были мы!
Ладонь на дрожь моей спины
Уверенно, легко, опасно,
И разливался вечер красным,
Пока вальсировали мы...

И вот в руке моей бокал,
И всплыли вновь ступени к свету,
И своды стен, и пируэты,
И как, танцуя, целовал...

2001

**Angels' share – часть коньяка, испаряющаяся через поры дубовых бочек.*

«Если в твоих краях...»

Если в твоих краях
Листья кружат,
Значит в моих краях —
Злая стужа.
А между нами – рек
Остыванье,
Долгих, красивых рек
Без названья.
А между нами – лес,
Красок царство,
Хожёный, старый лес —
Все мытарства!
Листьям в твоих глазах
Долго падать,
Скоро в моих глазах —
Снег да слякоть.
Скоро. Мне до зимы
Лишь полсрока.
Как далеко же мы!
Как далёко!

2002

«Взгляд – шок электрический...»

Взгляд – шок электрический,
Коснётесь – и я умру.
Исследую эмпирически
Вашу мужскую игру.

Это законы физики:
Губы плюс-минус – магнит!
Ну же, сегодня – близкими!
Или пере-горит!

Шёлковых пальцев скольжение.
Выдох глубокий. Вдох —
Вглубь – до потери времени.
Суток? Часов? – Эпох!

Непониманье сущего.
Важно ль? Потом, не здесь.
Только одни несущие
Руки на свете есть.

Только один ресницами
Сдавленный синий свет.
Будем сегодня птицами!
Завтра нам неба – нет!

– Ласковый! Аль не свяжется?
Только б одно словцо!
Мне и потом покажется
Грустным Ваше лицо.

2002

«Тебе нажелают других за меня – целых пять!..»

Тебе нажелают других за меня – целых пять!
Я стояла больше, но больше тебе не сыскали.
И каждая пальчиком будет манить и читать
Стихи мои, всё переврав уже в самом начале.

Полно дешевизн, но приемлешь ты это вполне,
На сдачу от прежней любви покупая в рассрочку
Остывшую нежность чужую. И холодно мне,
Но я, занеся карандаш, ставлю жирную точку.

Я знаю, что будет весна, и прозрачность воды,
И неба прозрачность, и мыслей спокойные реки.
А голову надо держать высоко, словно ты
И не был всем миром,

вмещённом

в одном

человеке.

«Здесь – колокольчик маленький в ладони...»

Здесь – колокольчик маленький в ладони.
Там – в полрассвета все колокола!
Вдруг языком тоскливо небо тронут
И замолчат. А песня поплыла.

И опрокинется рассвет, и выльет
Вдруг розовость, и купола зажжёт.
Грачей стремительный и шумный вылет
Ночную ересь вновь перечеркнёт.

И заструится день сквозь пальцы вишен
Дымком дурманящим, как вишен сок.
И будет каждый колокол услышан.
И каждый тон тревожен и высок.

Я не была там. Колокольчик стынет
В моей ладони. Августа исход.
И звук меня так странно половинит.
И лучшую из двух не отдаёт.

«Родятся девочки другие...»

Родятся девочки другие
С глазами – светлый малахит,
Но златокудрую Софию
Люби без памяти, навзрыд.

Не я носила и жалела,
И целовать теперь не мне.
Как странно сердце отболело,
Как страшно сердцу в тишине.

Ты каждый шаг её запомни
И детских губ изгиб простой,
И ей не будет в мире ровни,
Не будет ласковой такой.

Я за неё молиться буду —
Твоя надежда, плоть и кровь,
София – маленькое чудо —
Моя беда, твоя любовь.

2002

Тринадцатая глава

Вчера лишь шептала: мне не стерпеть,
Не вынесу, слабая я, не сдюжу!
Я только кимвал звучащий и медь,
И силы во мне, как в хвосте севрюжем!
Но вот, задыхаясь, – и мой черёд! —
(теперь уж на силу мою не сетуй!)
Несу, как другая не понесёт,
Взвалив на двужильную спину эту!
О, я милосердствую, долготерплю,
Не превозношусь, не горжусь – да куда мне...
Я горы переставляю – люблю!
А прежде не сдвинуть бы мне и камня.
Коринфяне знали, и мне пора:
Невидящей чувствовать – это просто!
Любовь – историческая игра,
Где выход один – на Его погосты.
Смеёшься, не вынесу? Ерунда!
Я слышала: он читал эти строки,
Я помню, стоял и на лбу высоком —
Смешной завиток – золотая слюда.

«Мне так спалось, когда...»

Мне так спалось, когда
Вы за меня молились!
Я только лишь сейчас,
Проснувшись, поняла.
И вспомнила, каких
Деревьев кроны снились,
И как легко за них
Цепляясь, я плыла.
И как плодов – иных
Я в жизни не встречала —
Прозрачный сок был прян
И губы холодил.
И как моей любви
На небе тесно стало
Среди ветвей и в них
Заброшенных светил.
И как я Вас звала,
И руки как тянула,
И Ваши имена
Читала нараспев.
И как сквозь сон к груди
Украдкой я прильнула.
И как проснулась, сон
Еще не доглядев.

2002

Поэтическая переключка

Спать у камина. Просыпаться
Затем лишь, чтоб вина глоток
Вдохнуть, и захмелеть, и строк
Чужих в полубреду касаться.

А после на крыльце сидеть
И долго-долго ветер слушать.
И падающих листьев души
Озябшие руками греть.

И улыбаясь, вновь вступить
В своё забвение, как в утро.
Так благостно, спокойно, мудро
Октябрь полусонный длить.

Юрий Бочков

И забрести в туманный лес;
Его прощального покоя
Глотнуть – и верить, что не стоит
Спешить, вершить и ждать чудес;

И, успокоившись, брести

По листьям, позабывшим шорох,
И не жалеть, просыпав порох,
В душе зажатый, как в горсти,

И влиться, словно в полусне,
В процесс осеннего обряда,
Вздыхнув с туманом, что не надо
Как прежде, думать о весне;

И не стремиться изменить
Фортуной данные уроки;
И недописанные строки
В кладовку прошлого сложить...

2002

«А помнишь ли над Минском колокола и снег?..»

А помнишь ли над Минском колокола и снег?
Стихи на мостике над Свислочью стеклянной,
Стихи на улице – до хрипоты, и бег
Слепых машин, и разговор наш странный.

А помнишь фонарей гирлянды? Как мело!
Ты для меня купил лошадку из фарфора:
«Год Лошади. Держи, чтоб чуточку везло».
Я знала, повезёт. Теперь, наверно, скоро.

Как пахло Рождеством! Как рыхлый снег скрипел!
И как к тебе в Москву я – помнишь? – обещалась.
Как на вокзале ты обнять меня успел,
И как я шла домой и глупо улыбалась.

2002

«По Приморскому бульвару...»

По Приморскому бульвару
До Артбухты пробежаться,
По пути купить побольше
Светлых раковин и бус.
Всем проходим беспрестанно
Улыбаться, улыбаться.
В голове – пустые рифмы,
На губах – миндальный вкус.

И шептать: «Однажды, знаю,
Встречу я его случайно.
Мимо он пройти не сможет,
Разглядит – сомнений нет!
Ах, какие я открою
Для него смешные тайны!
И какую тайну скроет
Алый завтрашний рассвет!»

2002

«Так не играют! Через столик...»

Так не играют! Через столик
В глаза так долго не глядят!
Я пью тебя, как алкоголик,
С вином мешая чёрный взгляд
И с шоколадом, тоже чёрным.
Ах, нет, молочный был, прости!
Я так боюсь казаться вздорной
И старше двадцати шести.

Ты закурил. Тебя вдыхаю.
И без касаний лишних – мой!
А где-то там не спит другая,
И крепко где-то спит другой.
На только лишь одно мгновенье,
Одно! – а больше не успеть! —
Прильну к тебе хотя бы тенью,
Хотя бы тенью мне ответь!

2003

«Тайное явным не будет...»

Тайное явным не будет.
Я обману. Я скрою.
Кто они? Просто люди
Правильного покроя!

Да и к чему им это?
Невидадь – связь чужая?
Сколько таких по свету
Прячутся да скрывают?

В каждом трамвае тесном,
В каждом! Глаза – в сторонку:
Скрытничают – известно,
Слишком уж это тонко.

Я ни словечка! Чашей
Хрупкой – фарфор китайский —
Редкое счастье наше,
Поздний подарок царский!

2003

«Тихое души к душе стремленье...»

Тихое души к душе стремленье,
Так на свет торшера – мотылёк,
Дальней, неопознанною тенью
Дальняя из всех, кого берёт.

Лишняя условность – расстоянье.
Сколько там февральских синих вёрст?
Мотыльком на тайное свиданье —
Над Москвой бы воздух не промёрз!

Как я помню, как опять узнаю
Тонкие черты среди прочих черт!
Я уже сейчас в руках сжимаю
Зеркальце, шкатулку и конверт.

2003

«Белым-бела невестушка...»

Белым-бела невестушка,
А женишок, как пьян!
Под вечер всё невесть уж как,
И видится изъян!

Легко сторонней девице
Повергнуть свадьбу в шок:
Невестушке не верится,
Налево – женишок!

Кольцо на пальце тонкое,
А он – за ворота
С чернявою девчонкою,
Случайной, как беда.

Ему с собой не справиться,
Запретный сладок плод,
В разгул, моя красавица!
Невеста подождёт!

2003

Маме

Как долго, как прекрасно снег летел,
Пока спала, ты чувствовала это?
Нет, он не падал, он упасть не смел,
Он умножал земную долю света.

Холодному стеклу отдав висок,
Вот так, прижавшись к холоду – горячим,
Я точно знала, милосерден Бог
К таким, как я, заблудшим и незрячим.

О, если бы больничному окну
Дана была бы память человека,
Оно, упёршись рамой в тишину,
Грустило бы, открыв себя для снега!

Пока врачи колдуют, и зима
Сковала мир от края и до края,
Я постою у белого окна,
Пока ты спишь, пока ты спишь, родная.

2003

«Не развенчан – не распят...»

Не развенчан – не распят
Памятью, раз не целован!
Целовала всех подряд —
Он один был уготован.

Весел да в плечах широк!
Сорок пять. Поизносился.
Выпал из каких широт?
От какой семьи отбился?

Что с того, что нелюбим?
Встанет, преградив дорогу.
Тихо скажет: я один
Послан Богом.

2003

«Двойники расплодились без меры...»

Двойники расплодились без меры.
Вот вчера повстречал ты случайно
Может, Танечку, может быть, Веру,
Но Алесей зовёшь её тайно.

А она, с перепугу бледнея,
Ничего не поймёт – ну и дура!
Но глаза твои всё же успеют
Надышаться моею фигурой,

Волосами забытого цвета
И немножко – улыбкой скользящей.
Двойники мои ходят по свету,
Чтобы ты вспоминал меня чаще!

2003

«Вдыхаю солнечные ливни...»

Вдыхаю солнечные ливни
И солнце за руку веду.
Зима была такою длинной,
Зима пророчила беду.
А нынче – терпкою надеждой
Целует в губы благовест,
И мальчик в праздничных одеждах
Глазурь с куличика объест.
Апрельским воздухом пронизан
В предчувствии рожденья лес.
И в каждой почке – смерти вызов,
И на губах: Христос воскрес!

2003

«Косы заплетать...»

Косы заплетать,
Лампы зажигать,
Толстые тома
Со шкафов снимать.
Дитяtko жалеть,
До зари не спать.
Косы заплетать,
Лампы зажигать.
Ночь на то дана,
Чтоб сидеть без сна,
Выгореть, к утру
Стать, как пелена.
Девочка-свеча,
Девочка – струна,
Ночь на то дана,
Чтоб сидеть без сна?
Сколько мне о ней
Ситцевых ночей
Думать и не ждать
От неё вестей,
Косы заплетать,
Быть воды темней,
Сколько же ночей
Всё одно – о ней!

Тонкая свеча.
Тонкая струна.
Белая весна.

2003

«Небо мокрый подол натянуло на крыши...»

Небо мокрый подол натянуло на крыши,
Втиснуло руку в форточку, гладит, дышит.

Волосы распустило – косые пряди.
Небо с недавних пор со мной ладит.

Я открываю двери – впускаю в спальню.
Я для него тёплой постель оставлю.

Входит на цыпочках мальчик – тоньше свирели,
Смотрит в глаза вопросительно: полетели?

Я наливаю кофе – лукавства взвеси.
– Ты Маргарита?
– Нет, сегодня Алеся.

2003

Рыбалка

Милый! Я в рыбалке – спец!
На груди сорочка сборкой:
Я – наживка и ловец,
Ты – карась и краснопёрка!

Вовсе это не легко,
Но азарт подобен страсти!
Ну а ты своим рывком
Лишь запутываешь снасти!

Вырву из таких глубин,
На крючок – душа живая!
Мой трофей, мой исполин,
Пригублю – и отпускаю!

2003

«Не говори обо мне с другими...»

Не говори обо мне с другими.
Походя, не мотай моё имя.
Имя гибкое, как река,
Дрожью с кончика языка
Не оброни! – не имеет веса
Выдох триединый: А-ле-ся.

Имя моё – не сори им всеу,
Я на груди его нарисую.
Ты, как нательный крест, береги
Буквы – пять пальцев твоей руки.

Имя – леской, струной шестою,
Лён и ришелье сквозное,
И левкоя летняя стать —
Имя лёгкое, как – летать!

Поле полное лебеды,
И язычников у воды
Пляски, леса лилейный дух —
Имя, невозможное вслух!

Положи под язык миндаль —
Пряное кареглазое «Аль...»

2003

«А ты купался в Ориноко?..»

А ты купался в Ориноко?
Там попугаи реку пьют,
И в клювах влажных и широких
Река блестит, как изумруд.
По бурым водам отпусти же
Вослед течениям слепым,
Пока лучи каноэ лижут,
И от костров индейских – дым.
Мне в сердце вкладывает Анхель*
Грудные песни о реке.
А ночью снился рыжий ангел,
Он спал как люди, в гамаке
Над Ориноко, и спиною
Был слаб, а потому бескрыл.
Я реку для него открою,
Как ты меня реке открыл.
И мне не будет одиноко.
В мой судный день, воспев закат,
Я стану рыбой в Ориноко,
И, может быть, меня съедят.

Анхель – водопад на реке Ориноко, Венесуэла*

«С красных крыш Сигишоары...»

С красных крыш Сигишоары
Красным шёлком, шёлка глаже
Падал свет, такой же старый,
Тёплый, как в ладони пряжа.
Целовал привычно стены,
В окнах шурились румыны,
А лучи попеременно
Кошкам нагревали спины.
Кошки спали, и в подвалах
Спали зёрна, зрели вина.
Город с плеч своих усталых
Сбрасывал, как пелерины,
Стаи птиц, и разметались
С полок местные товары:
Крестики, цветные шали,
Акварель Сигишоары,
Влада Цепеша портреты.
И бывало, что случайно
Падали, звеня, монеты,
Открывая звуком тайну.
Как же славно без причины
Видимой Вам улыбнуться,
Чашечкою капучино
Опуская день на блюдце.

2003

«Вечерний снег к моей душе...»

*«Снега у нас нет. Он весь у тебя,
в этом он прав»*

Вечерний снег к моей душе
Неравнодушен, мне казалось.
Душа в прозрачном неглиже
К оконной раме шёлком жалась.
И, словно снег, почти бела,
И, словно снег, почти летела,
И надрывались два крыла,
Но неподъёмным было тело.
А снег украдкой припадал
К тесьме изысканной из шёлка,
И на предплечьях замирал,
А после таял долго-долго.
Казалось мне, что целый век
Молила ангелов о чуде,
И вот свершилось, этот снег
Послали близкие мне люди.

2003

«Всё в памяти моей второстепенно...»

Всё в памяти моей второстепенно.
Любая нежность – только эпизод.
И в голове, как в маленькой вселенной,
Ничья любовь подолгу не живёт.

Вы думали, что всё во мне сложнее,
Что есть просвет какой-то в этой мгле.
Но я о том сейчас лишь пожалею,
Что Вы не чашка кофе на столе.

Так, кажется, спокойно и приятно
Фарфоровую ручку в пальцах сжать.
И не грустить о том, что безвозвратно.
И на кофейной гуще не гадать.

2003

«Целовала море в губы влажные...»

Целовала море в губы влажные.
Ревновали чайки – дыры важные,
И от злости в море пузом падали
И кричали: в губы можно? Надо ли?

Опускала руки, камни гладила.
Узнавала камни я по впадинам.
Облизало море руки белые,
Закатилось солнце сливой спелой.

Поклялась ему в любви навеки я,
Не заманишь, не заменишь реками!
Ускользну с земли – слепая странница,
А моя душа ему достанется.

2004

«Она надевает мои тапочки...»

Она надевает мои тапочки.
Она называет тебя лапочкой.
Халат махровый – тепло-уют —
Набросит. А мне под утро – капут!
Сны-жернова, перетирать
Слово за словом! Опять! Опять!
И порционно цедить Цветаеву —
Мука моя и нагота её.
Фото – в тумбу, подальше, с глаз
Спрячешь память свою – о нас,
Запахи: семечек, кофе, хны.
Выдох: видимо, не нужны.
Выдох второй: всё сначала
Проще, когда меня не стало?

2004

«Ждать, уговаривать: будет лучше...»

Ждать, уговаривать: будет лучше,
Рук не твоих, но – благодать.
Ждать, отпуская дожди и тучи,
Долго, как море умело ждать.

Долго, как море, легко, как вереск,
Память рифмуя, – к чему? Отпет!
Видеть один лишь – обратный! – берег,
Но утешаться: возврата нет.

Медленно таять и петь всё глуше,
И улетать – без любви легка?
А по ночам Бодлера и кружку
Жаркого прямо с плиты молока.

2004

«Ситцем небо выцвело...»

Ситцем небо выцвело.
В небе будешь птицею.
Белы руки спицами
Вслед тебе тяну.
Что тебе приснится там,
Ангел в небе ситцевом?
Милый, светлолицый мой,
Зябко одному?

Плакать будут девицы:
Верится – не верится.
Заметёт метелица
К будущей весне.
Посажу я деревце —
Счастье болью мерится! —
Прилетишь ты к деревцу
Думать обо мне.

Небо не отдаст тебя,
Ты моё несчастье!
Ситцем так и ластится —
Страшно. Тяжело.
Знаю, не отдаст тебя,
В ситцах нет участия!

Только словно часть меня —
Ты, моё крыло.

2004

«Муза стирала поэту носки...»

Муза стирала поэту носки,
Муза сходила с ума от тоски.
Этой, с глазами и поступью лани,
Можно в Париже служить Модильяни!

Тазик гремел, убегала вода.
Милый Париж был далёк, как всегда.
В кухне болтались носки над плитой,
Муза устала, пора на покой.

И засыпала, как тысячи баб,
Под вдохновенный рифмованный храп.

2004

«Когда меня не будет на Земле...»

Когда меня не будет на Земле,
Когда тебя не будет на Земле,
Земля, опустошённая вдвойне,
Утратив наше хрупкое свечение,
Утешится снегами в феврале,
Прекрасными снегами в феврале
С наивною надеждою на не-
возможное, но всё же возвращенье.

А если этим снегом будем мы?
Февральским ветром странно спасены,
Не чувствуя ни боли, ни вины,
Уляжемся, почти необозримы.
И холода нам будут нипочём,
Мы – холода, и мы опять вдвоём,
И упираясь в землю белым лбом,
Как хорошо с тобою быть, любимый!

2004

«К снегу свою приучаю кожу...»

К снегу свою приучаю кожу.
Холодно. И никого дороже
Тонкого мальчика. Верить трудно.
Вот и не верите. Я простуду
Снегом лечу: белое – к плоти
Белой. Уйду. Переживёте.
Знаете, недолговечен холод,
Будет весна без меня. И повод
Новое счастье сыскать – моложе.
К снегу свою приучаю кожу...

2004

«Брось меня, надломленную ветку...»

Брось меня, надломленную ветку,
Мало ли таких – царапать утро?
Листья и соцветья были редко.
Страшно бросить? Вырони как будто.

Вырони, пускай покроет вьюга,
Чтобы не сыскать вовек друг друга.

2004

«Память – пески Сахары зыбкие...»

Память – пески Сахары зыбкие.
Мне на поверхность уже не хочется.
Глубже – глаза, после – улыбка.
Помнить – лелеять своё одиночество.
И возводить в превосходные степени
Каждого дня беспросветную ласковость.
Где бы мы были, если бы не были
В этих песках, из которых вытаскивать,
Господи, стоит ли? Завтра – утопия!
Мир перевёрнутый снова изменится.
Если я встречу надежды подобие,
Как назовут меня люди? Изменницей?
Это – горячее! Августы-месяцы!
Самое пекло, какого не ведали!
В душу мою – нисходящая лестница,
Верность, которой сегодня мне не дали!

Милый, оставьте мне веточку вербочки
И не просите забыть окаянную
Страсть восемнадцатилетней девочки
Видимо небом случайно данную.

«Когда был день высок, как нынче...»

Когда был день высок, как нынче,
Как нынче свеж?
Должно быть, день писал да Винчи
С небесных вежд.
И было всё ему подвластно —
Лазурь и тень.
Был ослепительно прекрасным
Последний день!
Дома, сугробы, птичьи стайки
И детский смех.
И ты, смеющаяся чайка —
Крылатей всех.

2005

«Мой тихий нежный гуру, я жива...»

Мой тихий нежный гуру, я жива,
Я чувствую движение вселенной,
Я впитываю странные слова
Поэзии беззвучной и нетленной —

Любви, в которой первая весна
И первое блаженство увяданья,
И я – твоя послушная струна
Под пальцами, таящими желанье.

Мой утренний, вечерний, рядом быть —
Уже награда, посланная свыше,
И не о чем мне небо попросить,
И прочих голосов уже не слышу.

Когда моих волос смешная прядь
В твою ладонь бы – шёлковую тканью,
Я вовсе перестала бы дышать,
Чтоб счастье не спугнуть своим дыханьем.

«Я хочу целовать твои руки, большие, сильные...»

Я хочу целовать твои руки, большие, сильные,
И с тобой по ночам гулять, и дышать ливнями,
И мечтать, что губы горячей бабочкой влажною
На моём плече будут спать и шептать важное.

И рождаются стихи от такой неистовой слабости,
И на завтрак нам подадут турецкие сладости.
Я прекрасно пьяна, я похмелья боюсь раннего,
Мой случайный, смешной, я прошу, только не рань меня.

2006

«Солнце заходит на круг, ему странно...»

Солнце заходит на круг, ему странно
Видеть меня такой сумасбродной.
Мне говорят: сиди, слишком рано.
Мир ещё не готов. День холодный.

Я же хватаю сумки, к тебе еду.
Двадцать один ноль пять. Всё возможно.
Горы опять налегке идут к Магомету,
Значит, и мне можно.

2006

«Губы красным очерчены...»

Губы красным очерчены,
И живот – колыбель.
Здравствуй, милая женщина,
Из каких ты земель?

Сероглазая, смелая,
И тебе невдомёк,
Что под грудью вселенную
Разместила на срок.

И в заброшенном садике,
Где трава высока,
Нежно гладит галактики
Молодая рука.

2006

«Когда Вы в городе, то спать как?..»

Когда Вы в городе, то спать как?
Мне и дышать-то тяжело! Вдох —
И зацветает в животе мак,
И открывает мне глаза Бог.

И ничего ведь не дано нам,
Всего-то кожей ощутить дрожь.
Но старый город наш был – храм,
И нам на головы он лил дождь.

А все дожди теперь о Вас – мне.
А все дожди теперь – любви знак.
Вы словно опиум в моём сне,
Но если в городе Вы, спать как?

2006

«Он спал. А музыка царила...»

Он спал. А музыка царила.
Над Петербургом стыл февраль.
Вальсировал в снегу фонарь,
Из-под двери входной сквозило.
Он спал. А музыка царила.

И не было нежнее нот,
Чем шёлковых гардин тревога.
А ночь была – чужой, глубокий,
Целующий, поющий рот.
И не было нежнее нот.

И снилась женщина-зверёк
С ромашками у входа в залу.
Как много разных женщин знал он,
Но эту позабыть не мог.
И снилась женщина-зверёк.

Он спал. А музыка цвела
Ромашками в февраль и стужу.
И холод был обезоружен.
И нежность два больших крыла
Над Петербургом распластала.

Он спал. А музыка цвела.
Он спал. А я о нём мечтала.

2007

«Там, где в небе цветут витражи...»

Там, где в небе цветут витражи
И теряются белые реки,
Под оливу меня положи
Золотой головою к Мекке.

И постой на моей заре
Высоко-высоко у края,
Солнце – косточку в янтаре —
За мои моря опуская.

Мне понять не хватило сил —
Или это уже не нужно? —
Для чего ты мне послан был —
Губы мальчика, сила мужа...

2007

«А счастье? Счастье – это просто...»

А счастье? Счастье – это просто.
Так просто, что порой смешно.
Мне было многое дано,
Но счастье – в малом. Это – воздух,
И в нём парящих рук тепло,
И мамин взгляд, и выдох Бога.

И всё. И больше ничего.
Совсем немного.

2007

Кофе

Таинство приготовления
Сладких губ и тёмных зёрен,
Мир на грани пробужденья
Сквозь ленивых век просвет.
Предвкушением соблазна,
Словно мёдом, рот наполнен,
И блаженство замедляет
Ход ближайших к нам планет.
Хочешь кофе? Сказкой устной
И для уст – горячей тайной,
Чёрной сердцевиной вкуса
За фарфоровой каймой.
И давай утопим время
Лодкой маленькой на Майне.
Сладкий, ты не хочешь кофе?
Ну и ладно, Бог с тобой!

2007

«Выхожу на улицу в пять...»

Выхожу на улицу в пять.
Замирает солнце в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.